

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

КАЛЕНДАРЬ НА 1993 год

- Май (26—28) — Международный семинар «Европа и Азия: проблемы интеграции цивилизаций в изменившихся условиях» г. Алма-Ата.
- Июнь — Second European Social Science Conference (ESSC 2), Prague (CSFR), Centre for European Studies, University of Trier, Germany.
- Июнь — Конференция «Права и статус национальных меньшинств в бывшем СССР. 117334, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, ученый секретарь к. и. н. М. Ю. Мартынова, т. 938-62-30
- Июнь — август — Симпозиум «Древний Амуль: проблемы истории и культуры Средней Амударьи». Чарджоуский областной краеведческий музей. Чарджоу, Туркменистан
- Июнь — август — Международная научная конференция «Языки, духовная культура и будущее народов Арктики». 677891. Якутск, ул. Ленина, д. 39, Институт языка, литературы, истории.
- Август — III Международная конференция по обществам охотников-собирателей. 117334. Москва, Ленинский пр., д. 32-А, Институт этнологии и антропологии РАН, д. и. н. В. А. Шнирельман. т. 938-68-93
- Сентябрь — Конференция «Этническое взаимодействие, конфликты и насилие в городах». 117334, Москва, Ленинский пр., д. 32-А, к. и. н. И. Л. Бабич, т. 938-00-19

© 1993 г., ЭО, № 1

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А. Б. ЛОРДА

23 марта 1992 г. в Петербурге в филиале Ин-та этнологии и антропологии РАН* состоялась совместное заседание Семинара по изучению германского эпоса при Институте лингвистических исследований (председатель Ю. К. Кузьменко) и Семинара «Фольклор и этнография» (руководитель Б. Н. Путилов), посвященное памяти выдающегося исследователя эпической поэзии Альберта Бейтса Лорда, скончавшегося 29 июля 1991 г.

Едва ли не впервые за послереволюционные годы, как отметил председатель собрания Б. Н. Путилов, фольклористы России собрались, чтобы почтить память зарубежного коллеги. Имя А. Б. Лорда, к сожалению, недостаточно хорошо известно большинству фольклористов и даже эпосоведов в нашей стране, на Западе же он был одним из самых влиятельных теоретиков эпоса, завершившим и сформулировавшим последовательную и стройную теорию сложения эпического текста. Эта теория, начало которой положил М. Пэрри, набрала множество сторонников и последователей и кардинально изменила всю картину фольклористики второй половины XX в.

Доклады были посвящены анализу теории Пэрри и Лорда в целом или отдельных ее аспектов, а также приложению теории к конкретному материалу. Было прочитано пять докладов (не смогла приехать из Москвы О. А. Смирницкая с докладом «„Беовульф“ в контексте письменной культуры»); Б. Н. Путилов «Теория Пэрри — Лорда в движении»; А. И. Зайцев «А. Б. Лорд и гомеровский вопрос»; Ю. А. Клейнер «Устная теория в применении к германскому эпосу»; И. И. Чекалов «Меч в „Беовульфе“»; Г. А. Левинтон «К вопросу о реконструкции праславянской формулы»¹

Б. Н. Путилов (СПб, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Кунсткамера РАН)
Теория Пэрри — Лорда, которая ныне охватывает обширный круг проблем эпосоведения и шире —

* Ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН со статусом НИИ РАН.

устной поэзии народов мира и в развитии которой принимают участие ученые разных стран и направлений, рождалась из вполне конкретного, можно сказать — кабинетного замысла: подойти к разъяснению старых вопросов науки — как Гомер и другие эпические поэты обучались и слагали свои песни, какова действительная техника их творчества — через изучение живой устной эпической традиции, все существенные аспекты которой сосредоточились в эпическом певце как особом феномене культуры. Для этой цели Пэрри остановил свой выбор на тех областях Боснии и Герцеговины, а также примыкающих районах Сербии и Черногории, где культура гусяров оставалась не только интенсивной, но и достаточно архаичной, во многом свободной от влияния цивилизации XX в.

Гибель М. Пэрри в 1935 г. поставила проект под угрозу. Однако дело продолжил его ученик Альберт Бейтс Лорд, который включился в экспедиционную работу в 1934 г. и успешно продолжал ее в 1937 г., а затем и завершил в 1950—51 гг. разработанную М. Пэрри программу. В отличие от Пэрри, Лорд вполне овладел сербскохорватским языком и мог самостоятельно общаться с информантами.

В результате этой многолетней экспедиционной работы сложилось уникальное по содержанию и объему собрание: более 13 тыс. различных текстов, в том числе более 3500 звукозаписей. Замысел Пэрри состоял не в том, чтобы записать возможно больше «хороших» текстов, но сделать полную, повторную, многократную запись каждой песни от разных исполнителей, а также записи бесед, касающихся их жизни, обучения сказительскому искусству, обстоятельств исполнения той или иной песни и т. д. Собрание Пэрри — это единственный в своем роде свод абсолютно достоверных данных, касающихся одного из самых замечательных явлений традиционной культуры, угасающей на наших глазах и уже невозстановимой.

Горько сознавать, что мы, обладавшие неизмеримо большими богатствами, крайне мало сделали для их сохранения и, вместо того чтобы освоить опыт американских коллег, долгие годы подвергали высокомерной критике результаты их работы.

Разработка теории прошла несколько этапов. Начавшись со статей самого М. Пэрри, она продолжилась в работах А. Б. Лорда и достигла, казалось бы, завершающей точки в 1960 г. с выходом книги «Сказитель» (The Singer of Tales).

С 1970-х годов началась как бы вторая жизнь теории, когда в ее разработку, осмысление и развитие включились эпосоведы Европы, Азии, Америки, специалисты по живой устной традиции и памятникам книжного эпоса. Исследования живой эпической традиции народов Средней Азии, Сибири, Крайнего Севера оказались в стороне от этого движения. Что же касается критики теории Пэрри — Лорда со стороны советских ученых, то она зачастую основывалась не на аналитической проверке отдельных положений теории, а на неточном и торопливом прочтении отдельных мест книги. Творческое применение теории Пэрри — Лорда получила в работах П. А. Гринцера, З. Н. Волковой, Н. Г. Черняевой, Б. Н. Путилова, О. А. Смирницкой.

В основе теории лежит признание ее авторами определяющего и принципиального значения категории устности, предполагающей, прежде всего, неразделимость создания и исполнения произведения. Сказитель, слагающий песнь в процессе исполнения, опирается на обширный запас эпических формул и тем самым на знание принципов строения эпоса.

Один из важнейших элементов традиции — формула, выступающая не просто как специфическое явление эпического стиля или примета устного произведения, но, прежде всего, как элемент поэтической техники.

Другим слагаемым, своеобразным эквивалентом формулы в сфере нарративной материи была признана тема. И формула и тема остаются, по словам Лорда, пробным камнем устного традиционного стиля. Владеющий запасом формул и тем, которые свободно варьируют в пределах эпического стиля, устный поэт избавлен от необходимости заучивать текст и слепо повторять его. Ему не нужен фиксированный текст, поскольку устойчивые существенные идеи эпоса выражаются в близких, но вариативных формах.

В соответствии с первоначальным замыслом М. Пэрри (доказать устный характер гомеровских поэм) сторонники теории Пэрри — Лорда сосредоточили свое внимание на изучении эпических произведений, дошедших до нас в записи. Однако наряду с эпическими произведениями древности и средневековья (древнегреческими, древнеиндийскими, кельтскими, англосаксонскими и т. д.) серьезное внимание было уделено и живой эпической традиции — монгольской, африканской, арабской, новоевропейской. Именно живая эпическая традиция различных народов и регионов несет в себе далеко не исчерпанные возможности экспериментальной проверки и углубленного анализа того культурного феномена, который в современной русскоязычной терминологии обозначается словом

«сказитель», соответствующим «the singer of tales» (певец сказаний), термином, который стал названием книги, задуманной Милманом Пэрри и написанной Альбертом Бэйтсом Лордом.

Сила создателей устной теории была в их полной исследовательской свободе и полном отсутствии романтических иллюзий и идеологических предрассудков.

Наше эпосоведение, богатое исследованиями семантики, универсалий, структуры, межнациональных связей различных эпических традиций, необходимо полностью деидеологизировать, сосредоточив его на изучении техники сложения эпоса, где личность сказителя и одновременно феномен сказительства выдвигаются на первый план.

Эту задачу наша наука может и должна решить и на материале эпосов России, и на типологически ином материале эпоса народов Средней Азии.

А. И. Зайцев (СПб, Университет, филфак, кафедра классической филологии)

Предисловие к книге А. Б. Лорда «Сказитель» начинается словами: «Эта книга — о Гомере», и она действительно представляет собой важнейший вклад в разработку так называемого «гомеровского вопроса». Развивая идеи своего учителя Милмана Пэрри, Лорд убедительно показывает, что гомеровские поэмы созданы певцами-сказителями, с детства усвоившими традицию импровизации эпических песен, в принципе сходную с дожившей до первой половины XX в. аналогичной традицией народов Югославии. А. Б. Лорд обнаружил столь глубокую типологическую близость в сюжетосложении южнославянской и древнегреческой традиции героического эпоса, что смог привести убедительные дополнительные данные в пользу исконности того финала «Одиссеи», который мы читаем во всех рукописях и подлинность которого оспаривается рядом исследователей. В то же время А. Б. Лорд, не учитывающий различие между маргинальной культурой сказителей бесписьменных балканских народов в европеизирующемся обществе и обстановкой бурного становления письменной культуры в Греции VIII—VII вв. до н. э., напрасно, по мнению докладчика, отрицает возможность перехода усвоившего с детства культуру эпической импровизации азда к творчеству с пером в руках, в результате которого и родились «Илиада» и «Одиссея» — творения индивидуального гения, прочно усвоившего фольклорную традицию.

Ю. А. Клейнер (Шарское село, Ин-т экономики РАН)

А. Б. Лорд, известный, прежде всего, как славист и специалист в области сравнительного литературоведения, еще в начале своей научной деятельности был связан именно с германистикой. В 1935 г., вернувшись из первой поездки в Югославию, он поступил в докторантуру при кафедре сравнительного литературоведения Гарвардского университета, причем со специализацией по англистике (сербскохорватский и древнегреческий были выбраны в качестве *вспомогательных* дисциплин). Занятиями его руководили такие видные германисты, как Дж. Л. Киттридж («Беовульф»), Дж. Л. Лоуис и Ф. Н. Робинсон (среднеанглийский), Ф. С. Коли (древнеисландский), Т. Старк (средневерхнегерманский), а также Ф. П. Магун (древнеанглийский), который впоследствии был, к тому же, одним из оппонентов по диссертации А. Б. Лорда.

Начальные этапы применения устной теории к германскому материалу описаны в главе «Заметки о средневековом эпосе» книги «Сказитель». «Формульный анализ древнеанглийской поэмы „Беовульф“, — пишет А. Б. Лорд, — был продемонстрирован целым рядом работ, начиная с моего собственного анализа 1949 г., который был исправлен и дополнен в 1953 г. Ф. П. Магуном и в окончательном виде подробно разработан Р. Кридом». Далее докладчик подробно остановился на вкладе в устную теорию Фрэнсиса Пибоди Магуна мл., имя которого в германистике стоит в одном ряду с именами М. Пэрри и А. Б. Лорда. Благодаря его работам в германистике стали привычными основные понятия устной теории, ему принадлежат первые исследования формулы, темы и других категорий устнопоэтической техники на германском материале.

Из теоретических инноваций можно отметить то обстоятельство, что в германистике 1950-х — 1960-х годов было введено разграничение между «темами» как «глубинными» семантическими единицами и «типовыми сценами» как единицами сюжетными, повествовательными. Это нашло отражение в работах Гринфилда, Кроумни и др. и в завершенном виде было сформулировано Д. К. Фраем.

Кроме того, в докладе было высказано предположение о способе записи средневековых устных произведений и, соответственно, о характере текстов, дошедших до нас в такой записи. Материал древнегерманских поэтических памятников заставляет предполагать, что записи предшествовало «усвоение», сходное с усвоением песни сказителем, опирающимся на формульно-тематическое членение текста.

Попав в иную сферу бытования, такой текст становится литературным произведением, существ-

вующим наряду с произведениями переводными, а впоследствии и оригинальными. Последние, по крайней мере на ранних этапах, не отличаются от записанных устных произведений. Однако то, что воспринимается здесь как формула, не является таковой в действительности. Формула — это лишь то, что необходимо сказителю для быстрого, безостановочного сложения песни. При создании письменного текста формула утрачивает это свое свойство, превращается в клише. Естественно, что такими клише изобилует всякая письменная литература на начальных этапах своего становления. Таким образом, переход от устной традиции к письменной литературе, вернее замена устной традиции на традицию литературную, совершается в тот момент, когда формула перестает быть формулой.

В том же, что у нас нет четких критериев для различения формул и клише, как, впрочем, и критериев отличия устной формы от письменной литературы, вряд ли следует винить создателей устной теории.

И. И. Чекалов (СПб, Университет, истфак)

Как во всяком героическом эпосе, в древнеанглийской поэме меч является неотъемлемой принадлежностью воинского снаряжения героя. В «Беовульфе» есть целый ряд эпизодов, в которых функция меча такая же, как, например, в русских былинах, где, по словам Б. Н. Путилова, «богатство и красота снаряжения, одежды, оружия характеризуют обычно героев эпоса — богатырей, служат средством их эпической идеализации».

Однако в дракоборческих эпизодах «Беовульфа» роль меча совсем другая. В этих узловых точках развития сюжета меч далеко не всегда предстает в ореоле эпической идеализации, а мотивы, с ним связанные, осложнены другими моментами повествования. Особенно очевидно отсутствие идеализации меча в описании последнего боя Беовульфа с драконом: когда герою требуется меч, меч отказывается ему служить. Об этом так и сказано в тексте поэмы: «меч избег гладкого (т. е. дракона) в битве, так не должен был поступать хороший с давних пор меч» (2584 в—2586 а).

Отказ предмета действовать в соответствии со своим назначением — ситуация, известная нам по эдическим источникам: в «Эдде» встречается представление о том, что предметы могут перестать действовать из-за нарушенной клятвы. Нельзя ли с этой точки зрения посмотреть на отказ меча служить Беовульфу? Трудность, однако, заключается в том, что зависимость между ответственностью героя и нарушенной клятвой не представлена прямо в фабуле древнеанглийской поэмы, а дана лишь в виде последствий действий героя, связанных с мотивом клада.

Г. А. Левинтон (СПб, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Кунсткамера РАН)

В работе, напечатанной почти 10 лет назад, докладчик пытался развить некоторые положения теории Пэрри и Лорда в направлении, уже намеченном работами Г. Нады и др. — направлении, которое, по формулировке Вяч. Вс. Иванова, объединило формульную теорию с этимологическим исследованием индоевропейских поэтических формул и с реконструкцией индоевропейской метрики — а именно развить их применительно к проблеме реконструкции праславянского эпоса (точнее, его формульного репертуара). Если в этой работе утверждалось, что в качестве формулы способно функционировать не только сочетание слов, но и одно слово, коль скоро оно привязано к определенной метрической позиции, то в нынешнем докладе была сделана попытка перейти на уровень более низкий, нежели слово. Анализ слова *виноград* показывает, что его корни функционируют в тексте как бы независимо друг от друга; этим, а не только семантической эволюцией объясняется появление у этого слова значения «сад» (*во садике-виноградике* оказывается синонимичным *во саду ли в огороде*). При этом в других славянских традициях удается выявить параллельные примеры, в которых *вино* (в значении «виноград» — например, *лоза винова*) свободно сочетается (т. е. сочетается в контексте предложения, а не слова) с корнем *град-*. Можно надеяться на то, что здесь мы спускаемся к истокам славянской фольклорной поэтики, к самому генезису формул и тех сложных слов, которые отразили структуру формул, и если и не заглядываем в самый этот процесс, то видим хотя бы косвенно его симптомы.

Участники заседания решили сделать чтения памяти А. Б. Лорда регулярными. Будем надеяться, что это удастся осуществить, но в любом случае мы рады, что смогли посильным образом почтить память выдающегося исследователя эпоса.

Поскольку труды Пэрри и Лорда явно недостаточно известны в России, мы приводим краткую библиографию основных работ по устной теории:

M. Parry. The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry/Ed. Adam Parry. Oxford, 1971.

A. B. Lord. The Singer of Tales. Cambridge, Mass., 1960 (русский перевод: А. Б. Лорд. Сказитель. Пер. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона — готов к печати, но в нынешних издательских условиях будущее его неизвестно).

Незадолго до смерти А. Б. Лорда вышла его книга «Epic Singers and Oral Tradition»//Cornell University Press, 1991, составленная из публиковавшихся ранее статей и выступлений, переработанных и сгруппированных таким образом, что они дают достаточно целостную картину развития устной теории.

Ему же принадлежат обзорные статьи, отражающие состояние устной теории на разных ее этапах: «Perspectives on Recent Work on Oral Literature»//Forum for Modern Language Studies, 10, 1974. № 3. P. 187—210; «Perspectives on Recent Work on Oral Literature»//Duggan J. J. (ed.) Oral Literature: Seven Essays. N. Y., 1975. P. 1—24; «Perspectives on Recent Work on the Oral Traditional Formula»//Oral Tradition. 1, 3. 1986. P. 467—503.

Обзоры работ, выполненных в русле устной теории, содержатся также в вводных статьях Джона Майлза Фоули в кн.: Foley J. M. (ed.) Oral traditional Literature: A Festschrift for Albert Bates Lord. Columbus, Ohio, 1981; Comparative Research on Oral Tradition. Columbus, Ohio, 1987.

Проблемам устной теории и ее применения к исследованию традиций и текстов, а также 200-летию со дня рождения Вука Караджича была посвящена Международная конференция, проходившая 21—23 сентября 1987 г. в Нови Саде (Югославия). Труды конференции опубликованы под редакцией Светозара Петровича в кн.: Oral and Written: Literature in Literature and Culture. Novi Sad, 1988.

С 1986 г. под редакцией Дж. М. Фоули выходит журнал «Oral Tradition», публикующий исследования, посвященные различным аспектам устной теории, взаимодействию устной и письменной традиции, а также результаты полевой работы и обзоры новейшей литературы.

Наиболее полные библиографии работ, так или иначе связанных с теорией Пэрри — Лорда: Haymes E. R. A Bibliography of Studies Relating to Parry's and Lord's Oral Theory. Cambridge, Mass., 1973; Foley J. M. Oral-Formulaic Theory and Research: An Introduction and Annotated Bibliography. New York, 1985.

Кроме того, аннотированная библиография ежегодно печатается в одном из выпусков журнала Oral Tradition.

Ю. А. Клейнер, Г. А. Левинтон,
Б. Н. Путилов

© 1993 г. ЭО, № 1

ХС ЕЖЕГОДНАЯ СЕССИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Сессия проходила 20—24 ноября 1991 г. в Чикаго, в ней участвовали антропологи обоих американских континентов, но существенно преобладали ученые из США. Наиболее активными были, конечно, представители академической науки — профессора, аспиранты и студенты многочисленных американских университетов и колледжей, — однако влиятельную группу составили специалисты в области прикладной антропологии — профессионалы, работающие советниками и экспертами в госдепартаментах, социальные антропологи, консультирующие крупные компании, даже сотрудники независимых антропологических служб. Кроме того, участвовали представители многих национально-культурных или национально-религиозных организаций, получившие специальное образование или же столкнувшиеся с проблемами прикладной антропологии уже в ходе своей профессиональной деятельности. Их взаимоотношения с университетскими коллегами представляли особый интерес, поскольку число социальных антропологов-практиков растет и в нашей стране, так что академической науке вскоре придется с ними считаться.

Среди участников сессии было много гостей, особенно из Европы. Некоторые из них образовывали собственные, так называемые «приглашенные сессии», сформированные целиком или почти только из гостей. Одной из таких сессий была наша — организованная совместно профессором Университета